

Ю. Л. Воротников

**Русский язык
и высшее
образование
в России**

Глубокоуважаемые коллеги, я хотел бы с вами сегодня поговорить на тему важную, с моей точки

зрения, на тему, которая перекликается с одним из тезисов нашего предыдущего докладчика: встречаются лингвисты и математики, они говорят на разных языках и не могут общаться. Так вот: что такое язык, как он связан с образованием и зачем вообще язык нужен, если он не является специальностью человека, если человек при помощи языка не зарабатывает деньги.

Я не буду сегодня говорить о русском языке и его функции как языка мирового, хотя об этом в Год русского языка, объяв-

ленный в 2007 году президентом, можно было бы говорить. Я не буду подробно говорить и о рус-

ском языке в странах СНГ, хотя об этом тоже можно было бы сказать много интересного и важного в любой аудитории. Тем более, что сейчас на нашу конференцию я приехал буквально с конференции, проходящей под эгидой Московского государственного лингвистического университета, которая собрала представителей десяти стран СНГ. Они сейчас обсуждают проблемы, связанные с изучением культур и языков в странах СНГ и естественно проблемы русского языка, как языка межнационального обще-

ния нашего Содружества. Я не буду говорить о русском языке в России, не давая ему определения. Об этом не так давно мы тоже говорили в Пятигорске на прекрасном конгрессе «Мир на Северном Кавказе через языки, культуру и образование». И это тоже очень важная тема. Я не хочу называть русский язык в республиках, субъектах РФ языком межнационального общения, просто потому что в России особый статус русского языка. И на конгрессе в Пятигорске всем вам известный Мигранян, наш политолог, член Общественной палаты, сказал о своем видении роли русского языка и вообще русскости. Привел слова своего великого соотечественника Шарля Азнавура, когда его спросили: «Кто вы?». Он ответил: «Я на 100% француз и на 100% армянин». Для России спросите у жителя Татарстана, кто он? Многие могли бы ответить также. Говорить, что для них русский язык — это язык межнационального общения, это, на мой взгляд, странно. Как может быть языком межнационального общения русский язык? Как мог быть языком межнационального общения русский язык, например, для Расула Гамзатова и для других жителей России, для которых он является вторым... не вторым, а таким же родным языком, как и их язык материнский, как его называют.

Я хотел поговорить о другом. Эпиграфом к моему выступлению, а я думаю, что и к совместному нашему размышлению на эту тему, могли бы стать слова одного из крупнейших философов XX века М. Хайдеггера. В одной из своих философских работ он дал такое определение языку: «Язык — это дом бытия». Наш с вами современник, один из крупнейших филологов и культурологов не только нашей страны, но и мира, академик Ю. С. Степанов, размышляя над этим высказыванием Хайдеггера и немножко отстраняясь от такой антологичности этого утверждения философа, дал несколько иное определение языку: «Язык — это дом бытия духа». И еще более подходящее к нашему сегодняшнему разговору определение: «Язык — это пространство мысли». Вот об этом бы я

и хотел поговорить. Не о языке, помните, как мы учили в ленинской формулировке: «Язык — это средство человеческого общения». Не об этом языке. И даже не о том языке, который называют языком мышления, а языке, как доме бытия, о языке, как доме бытия духа, о языке, как пространстве мысли.

Хотелось бы мне несколько своих соображений на этот счет предварить известным вам всем хорошо высказыванием крупнейшего физика XX века А. Эйнштейна. Это любитель парадоксов, знаменитую фотографию которого вы помните, с иронично и даже цинично, может быть, высунутым по отношению к господу Богу языком. Он сказал, что для него Достоевский для его теории дал больше, чем все крупные физики, математики XVII–XIX веков.

Парадокс ли это? Мне кажется, не парадокс, а глубочайшее наблюдение глубочайшего мыслителя над сутью мышления человеческого и соответственно над сутью языка, о чем я скажу позже.

Мы с вами прекрасно знаем, а литературоведы здесь присутствующие знают и по роду своей основной профессиональной деятельности, что Достоевского вполне можно считать создателем некой теории «литературной относительности». Вот это знаменитое бахтинское определение романов Достоевского как полифонических, в которых нет единой точки зрения на происходящие события, а есть столкновение различных точек зрения героев. В контексте этих романов соответственно и точка зрения автора становится только одной из возможных, сталкивающихся с другими. От этого столкновения и высекаются искры истины. Вот эта теория литературной относительности Достоевского, конечно, находится в прямом родстве с теорией относительности Эйнштейна в том смысле, в каком они оба принадлежат к новой, так называемой, эпистемии или, если угодно, парадигме мышления человеческого.

А чем же эта парадигма задается? Конечно, Эйнштейн не читал Достоевского по-русски. Но, тем не менее, могли ли быть та-

кие романы, какие написал Достоевский, написаны на другом языке, не русском? Переведены они на другие языки могут быть. А вот могут ли они быть на другом языке написаны?

Чтобы ответить на этот вопрос, я хочу вспомнить еще одну на этот раз не теорию, а гипотезу, связанную с именем Эйнштейна уже терминологически. Это известная специалистам гипотеза языковой относительности, авторами которой являются крупнейшие лингвисты XX века Э. Сепир (или Сейпер) и Б. Уорф. Она существует в двух своих формах: в более радикальной форме и в более смягченной.

С формулировкой радикальной формы, конечно, я не согласен. Она звучит так, что каждый язык, существующий на Земле, задает свою картину мира и, собственно говоря, общение между носителями этих заданными различными языками языковых картин мира практически невозможно, как и между физиками и лингвистами, потому что каждый язык задает особый мир и не имеет никаких точек соприкосновения. Вот с этой крайне сформулированной гипотезой согласиться нам трудно просто потому, что мы видим, что и мы общаемся с носителями других языков, и они нас понимают.

А с той формой, в какой эта гипотеза формулируется более мягко, не согласиться, по-моему, невозможно. Конечно, каждый язык задает какие-то параметры, в которых с детства мышление человека осуществляется и за рамки которых человек все-таки выйти не может. Если с этим согласиться, то понятно, что и романы свои, которые привели Достоевского к важнейшим художественным открытиям конца XIX века, которые, может быть, предварили стиль мышления XX века, как многие полагают, вот такого рода романы могли быть написаны только на русском языке, понимая этот язык не как средство общения писателя с читателем и даже не как средство выражения процессов мышления самого писателя, а понимая язык как тот дом, в котором обитает определенный тип бытия.

В этом смысле мы, к радости для филологов и к возможному негодованию наших коллег-технарей, можем прийти к самому элементарному выводу: без хорошего знания своего родного языка, хорошего специалиста из человека не получится. Утверждение парадоксальное. На первый взгляд может быть и так. Поскольку мы с вами живем в мире глобализующемся, а, может быть, уже в каких-то моментах глобализованным, и мы с вами говорим на конференциях, связанных с проблемами образования, о необходимости мобильности студенческих масс, о необходимости дистанционного образования, с чем я абсолютно не спорю. А соответственно о чем мы говорим? Мы говорим о том, что мобильные студенческие массы, свободно движущиеся по сглаженному пространству земного шара, должны иметь единый язык. Не зная единого языка, обучаться в Англию не поедем, во Францию не поедем.

Дистанционное образование возможно тоже только при условии, что преподаватель и ученик общаются на едином языке. А для того, чтобы вовлечь инотерриальных (или есть какой-то другой термин, я не помню) студентов в наше дистанционное образование, что нам надо? Заставлять их изучать русский язык или самим изучать английский? Если исходить из чисто коммерческих соображений, то, конечно, мы должны идти за ними: если гора не идет к Магомету, то Магомет должен выучить английский язык, чтобы привлечь систему дистанционного образования иностранных студентов.

А это рынок действительно огромный. И тут я согласен с тем, что Россия практически ничего не делает, чтобы на этом рынке как-то себя позиционировать. Маленькая Финляндия от дистанционного обучения получает огромную долю своих доходов. По тем деньгам, которые крутятся на этом рынке — экспорт образовательных услуг занимает, если не ошибаюсь, третье место после нефти и вооружения. Конечно, речь идет о «белых» сферах бизнеса. Не будем учитывать здесь наркотики. Это огромные деньги! Конечно, нам на этот рынок надо выходить.

И, конечно, нам надо на этом рынке работать инструментом, в частности, и общего языка. В данном случае, увы, не русского, а английского.

Что это значит? Значит ли это, что мы можем, а зачастую мы так и поступаем, достаточно пренебрежительно относиться к тому, как знают русский, родной язык идущие в вузы студенты, бывшие школьники, и надо ли нам в стенах вузов, тем более не языковых, какое-то драгоценное время отдавать еще на то, чтобы и студентам выделять какие-то часы на русский язык? Непонимание этого, мне кажется, было бы глубочайшей ошибкой и глубочайшим заблуждением, ведущим к последствиям достаточно предсказуемым и печальным.

Если мы с вами вспомним историю науки, то вообще-то таких космополитичных ученых в любой сфере научной деятельности или любой другой сфере, которые не опирались бы в своих изобретениях на какую-то национальную культуру, мы с вами не найдем. Вообще космополитичной науки, по моему глубочайшему убеждению, в принципе быть не может. И этому не противоречит пример, который я приводил. Какая национальная специфика была у Альберта Эйнштейна? Я думаю, что ответ на это вопрос, если мы не будем с вами слишком деликатными, элементарный. Эйнштейн был глубочайшим образом укоренен в еврейской культуре. И эта культура давала ему те истоки, которые и приводили в дальнейшем к его гениальным и всемирным открытиям. Не буду вспоминать русских ученых, российских ученых мирового ранга, которые не единожды говорили о важности, необходимости культурно-языкового пространства, в котором они работают для того, чтобы они могли свои открытия делать. Это очень хорошо и очень важно.

В мире сейчас существует приблизительно шесть тысяч языков. Ученые приводят разные цифры. Это в значительной степени зависит от того, как ученый понимает границу между языком и диалектом. Но официально статистика ЮНЕСКО приблизительно

но такая: 6 тысяч языков. Прогнозы о сохранении всего этого языкового многообразия в XXI веке весьма печальные, даже катастрофические. К середине XXI века, по предположениям специалистов, из этого многообразия языков останется не более 500, а может быть и меньше.

Значит, вроде бы объективные процессы, происходящие в человеческом сообществе, противоречат тому, о чем я говорил. Вроде бы человечество на «полных парах» движется к тому, что количество языков будет сокращаться, а в идеале к тому, что вообще, как предполагали многие еще в середине, даже последней трети XX века, в конце концов, мы придем к монолингвальной ситуации. И претендентом на первое место в этой мировой гонке языков называли вполне определенное: этим языком без всяких сомнений будет и должен быть английский язык.

Действительно, ситуация такова, что шесть тысяч языков не доживут до середины XXI века. Но в самом ли деле справедливы прогнозы, предполагающие, что мы идем с вами к монолингвальному обществу, обществу, имеющему один язык? Увы, специалисты-германисты и, более того, специалисты, занимающиеся английским языком, будут разочарованы тем, о чем я скажу с полной определенностью, уже статистически подтвержденной. Ни один из прогнозов о скорости распространения английского языка в мире не оправдался. Английский язык не вышел на те рубежи, которые ему обозначали к началу XXI века, и уже определенно на эти рубежи не выйдет.

И, как ни странно, одна из мотиваций предполагала то, почему английский язык будет языком общемировым. Появляются новые технологии, появляется Интернет. Интернет будет англоязычным. Так вот, англоязычным Интернет, как вы знаете (а кто не знает, могу определенно заявить), не стал. И, как ни странно, потеснили, в первую очередь, этот язык, действительно простой, с короткими словами, с простой грамматикой (это все правда: у английского языка есть много преимуществ, которые кое-кому

позволяют говорить, что это язык будущего человечества), потеснили этот язык совершенно неожиданно языки, даже не имеющие буквенного алфавита. В первую очередь японский, потом китайский, потом корейский, который имеет не иерографическое, а буквенное письмо, как вы знаете, но, тем не менее, там тоже система, достаточно отличающаяся от кириллицы и латиницы. И оказалось, что предположение о том, что иероглифы в принципе не подходят для компьютеров и Интернета, делалось людьми совершенно некомпетентными. Прекрасно иероглифы подошли, прекрасно обслуживают Интернет и, более того, по многим параметрам и японский, и китайский Интернет оказались более и гибкими, и мобильными, и быстродействующими, как корейский, например. Корейский вообще один из лучших сегментов Интернета в мире. И никакой естественной потребности в замене вот таких архаичных, как мы полагаем, способов письма не потребовалось. На этом фронте английский язык потерпел сокрушительное поражение.

Но ведь терпит он поражение и на другом фронте — на фронте демографическом. Я могу привести один анекдот. Анекдот не в смысле выдуманной смешной истории, а анекдот в том старом значении этого слова как исторический факт. Могу привести рассказ одного моего коллеги о том, как в небольшом городке, в Техасе, он на одном из ресторанчиков прочел надпись: «Заходите, здесь говорят и по-английски». Это большая серьезная проблема. Испанский язык на территории Америки очень и очень теснит язык английский. Многие из вас сами этот факт наблюдали. В Сан-Франциско или в Лос-Анджелесе в аэропорту вы встречаете надписи не только на английском языке, но и на испанском. Многие из вас сталкивались с такими ситуациями, когда вы встречаете уже на далеко не диком Западе, а на юго-западе людей в Америке, с которыми вы не можете объясниться по-английски.

Я не говорю про китайские кварталы, где этого вообще никогда не было. Но это осо-

бая ситуация, отдельный разговор, связанный с экспансией китайского не только языка, но и диаспоры, которая как капля масла в воде. Они не растворяются, они не пытаются и не стремятся раствориться в чужой культуре, куда они попали, а существуют как капля масла в воде. По мере увеличения количества обитателей этих «чайнатаун» такие вкрапления во всем мире увеличиваются и увеличиваются.

Я говорю о другом, о тех людях, которые в огромном количестве мигрируют в США с мексиканского юга и не только не испытывают потребность изучать английский язык, а, наоборот, вынуждают, в том числе и американских политиков, изучать язык испанский, подвигают американское общество к широкому распространению испанского языка. То есть если смотреть на демографический фактор, английский язык и сейчас далеко не на первом месте, и перспектива у него очень и очень слабая по сравнению с испанским языком, а тем более с такими языками как хинди или литературным китайским («мандариновым»).

В этом отношении прогнозы не сбылись. Не идет мир к англоязычному одноязычию. Более того, нет сейчас никаких тенденций, которые бы свидетельствовали о возможности омоноязыковлени мира не только в ближайшем, но и в очень отдаленном будущем.

Это связано с еще одним фактом, потрясающим по своей катастрофической неожиданности. Тот же достаточно сюрреалистический XX век, я уже не говорю о рациональном XIX веке, одной из основных тенденций будущего человечества считал его интеграцию в национальном отношении. И то, что рубеж третьего тысячелетия, начало XXI века ознаменовались буквально взрывом национальных революций во всем мире, стремления к национальной и соответственно автоматически и языковой самоидентификации даже тех народов, которые считались абсолютно интегрированными в какие-то более крупные сообщества — это неоспоримый факт, повергший культурологов и социоло-

гов и футурологов в столбняк. Тем более, что эти процессы сопровождаются, как мы к своему ужасу видим, тем, что произошло в Нью-Йорке в сентябре 2001 года.

Не идет человечество к моноязычию, к национальной монолитности. Беда это или счастье для нас? Мое глубочайшее убеждение — это огромное счастье и огромное достижение. Похоже, через боль и через кровь, но мир все-таки начинает понимать, что национальное однообразие, так же как и языковое однообразие, для человечества столь же губительно, как генетическое однообразие для биологического мира. И будущее для человечества связано не с тем, что мы с вами выберем и дружно будем осуществлять единый план нашего светлого будущего, а с тем, что мы трепетно будем заботиться о сохранении своего многообразия.

Здесь, переходя опять же к языковой проблеме, мы можем сказать, что каждый язык, как я уже определил его для себя, как отдельное пространство мысли и как отдельный (не коммунальный) дом бытия духа, задает совершенно неожиданную, своеобразную и тем и продуктивную точку зрения на мир. Многообразие этих точек зрения и создает возможность человеческой мысли двигаться в разных направлениях и продуктивно подходить к решению каких-то вопросов, которые с позиции моноязычия и монокультуры в принципе решены быть не могут. Это ведь не касается социальных и каких-то других сфер жизни.

Специалисты-негуманитарии знают, что в естественных науках сейчас принято, существует, утверждена и доказана парадоксальная для XIX века точка зрения (и тем более для Декарта), что результат эксперимента зависит от позиции наблюдателя. И соответственно результат научного исследования зависит от того, с точки зрения какого языка ученый к этому предмету подходит. Значит ли это, что мы с вами погружаемся в бездну безграничного релятивизма? Нет. Это просто значит, что мы к одному и тому же предмету подходим с разных точек зрения, поразному его освещаем и получаем голограм-

му этого объекта. Японский ученый, подходящий к какой-нибудь проблеме, общей с американскими учеными, откроет в ней то, что американский ученый со своей позиции, с точки зрения своего дома бытия духа, с точки зрения своего пространства мысли открыть просто не в состоянии. Это великое счастье человечества, что есть такие разные точки зрения, есть не плоские, а голографические изображения этого мира, в котором мы с вами обитаем.

Конечно, можно сказать и можно поспорить, что многие позиции автономных культур сейчас удручающе агрессивны, приводят они к катастрофическим последствиям. Мы с вами много таких фактов знаем и много чего уже увидели. Они приводят к фактам совершенно немыслимым для рационального XIX века и даже для довольно сумбурного конца XX века. Не буду приводить примеры из нашей с вами жизни, недавнего прошлого, когда факты противостояния культур на территории нашей страны, пресловутой Чечне, потрясли своей варварской дикостью. Есть и такая сторона у этой медали.

Но чем эти факты вызваны в первую очередь? Мало мы об этом думаем, а, может быть, и не думаем совсем, отмечаем эти мысли. Но здесь все-таки, наверное, виноваты те самые тенденции к монолингвизации, к монокультуризации, которые мы с вами не так и давно поддерживали. Что говорить? И Чечня — это реакция на те процессы, которые происходили в Советском Союзе. Терроризм — это реакция на попытки глобализации. Народы не хотят существовать в мире, где не будет... нехорошая цитата, но, тем не менее, помните: «Нет ни иудея, ни эллина». Так вот не хочет человечество существовать в мире, где нет ни иудея, ни эллина. И в едином религиозном мире не хочет человечество существовать. Сопrotивляется всеми возможными способами. Не доходит эта простая истина до вершителей мира. Глобализация, плоско понимаемая как омоноязыковление и омонокультуризация, для человечества неприемлема и никогда не произойдет.

Какие практические выводы надо сделать? Я думаю, что вывод прост, хотя и неприемлем ни на уровне Министерства образования, ни на уровне преподавательского корпуса. Игнорирование вопросов, связанных с углубленным изучением родного языка, также бесперспективно и опасно, как и игнорирование вопросов, связанных с абсолютной необходимостью изучения иностранного языка. Поэтому я вас и как специалист, и как человек, душой чувствующий все эти проблемы, призываю больше внимания обращать на то,

чтобы ваши студенты не только правильно говорили и писали по-английски, по-французски, по-японски, по-китайски, но и чтобы русский-то язык они не забывали. А если вы не филологи, то пусть ваши студенты не только хорошо решают математические уравнения, но и могут по-русски объяснить, каким путем они к решению этого уравнения пришли. Если человек не сможет этого объяснить на языке не математики, а на языке русском, будьте уверены, что он, значит, не понимает, как он это делал.